

ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВО ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Анатолий Петрик. Глубины крестьянской культуры.— Татьяна Бек. Лирика не одинока.— Александр Лаврин. Полной мерой.

ПОЛИТИКА И НАУКА

С. Станевич. Актуальные уроки истории.— Л. Манаревич. Секреты «братьев-каменщиков».

Литература и искусство

ГЛУБИНЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Василий Белов. Лад. Очерки о народной эстетике. М. «Молодая гвардия». 1982. 293 стр.

Василий Белов. Избранные произведения. В 3-х тт. М. «Современник». Т. 3 («Лад», пьесы). 1984. 480 стр.

Еще журнальная публикация этого произведения вызвала живой интерес и критиков, и читателей, чьи многочисленные письма писатель использовал, продолжая работу над рукописью. В статьях А. Овчаренко («Вопросы литературы», 1983, № 8), И. Золотусского (в книге «Очная ставка с памятью»), в монографии Ю. Селезнева о Белове говорится о том; что «Лад»—это такая книга о прошлом деревни, которая заставляет задуматься над актуальными проблемами современности, о судьбах русской деревни и — шире — русской культуры в целом.

А как сам Белов оценивает свою работу? На первой ее странице он пишет, что книга «была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике», на последней — что это «порой сумбурные, еще чаще отрывочные раздумья о северной народной эстетике». О чем они, эти очерки, зарисовки, отрывочные раздумья, казалось бы, говорит уже оглавление: «Плотники», «Лодочники», «Гончары», «Лен», «Битье масла», «Пряжа», «Баня», «Будни и праздники», «Застольщина» и т. д. Но читая книгу, мы не просто узнаем о плотниках, доме, одежде, играх, сказках, частушках и прочем, мы постигаем гораздо большее: образ жизни, мировидение, мироощущение крестьянина с его представлением о красоте, труде, семье, времени, пространстве... Словом, материаль-

но-бытовое и духовное начала в их неразрывной взаимосвязи. Единственное, что может охватить, объединить все эти понятия, представить в целокупности,— слово «культура». Именно культуре, объекту сложному, живому, неоднородному, неисчерпаемому и все же со своими устойчивыми характеристиками и посвящен «Лад». И по жанру это отнюдь не «черки, этнографические записки», как, вслед за Беловым, определил их И. Золотусский. Это пронизанное единой идеей писательское исследование, «плод настолько же научного исследования, насколько и художественного осмысления народной жизни» (Ю. Селезнев). «Лад»—художественное исследование русской традиционной крестьянской культуры.

Нужно заметить, что книга эта коренным образом отличается от собственно прозы Белова, где его обычно интересует жизнь конкретной деревни, конкретные судьбы. В «Ладе» писатель меняет стратегию — здесь начинают действовать центрирующие силы: в многовековой культуре русской деревни выбираются типичные, «нормативные» явления. Так, создавая образ крестьянина, автор опускает индивидуальные особенности, делает выборку типических черт, старается выделить ядро характера. Рассказ о естественном самодвижении жизни, воспроизводстве культуры, механизмах, законах ее передачи от

поколения к поколению автор стремится построить на основе наиболее общих для этой жизни явлений.

Уже в зачине книги Белов предупреждает читателя, что она «не случайно называется «Лад» и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни» (разладу, статьи говоря, писатель уделит немалое место в собственно художественном творчестве). Если задаться целью проследить те периоды в прежней жизни крестьянина, когда ее лихорадило, когда деформирующие силы влияли на ее естественное движение, тогда «Лад» может служить как бы точкой отсчета, подсказать, насколько, в какой степени нарушалось динамическое равновесие культуры. А в истории старой русской деревни редко когда ладу не сопутствовал бы разлад. Но ведь только благодаря ладу сохранялись многовековые традиции, не глохла культура, продолжалось национальное бытие да и сама жизнь, в конце концов!

И тут возникает вопрос: историчен ли «Лад»? Ведь сознательно оставляя в стороне социальные, экономические, исторические противоречия в судьбах русской деревни, Белов лишь изредка упоминает о трагических переболах в жизни народа, государства: «война, мор, неурожай» — или семьи: «болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство». Все внимание писатель концентрирует на том, что составляет корневую основу народной жизни, в глубинах которой скапливался и удерживался «духовный опыт, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжелых испытаний» (Ф. Абрамов). И тут-то начинаешь понимать роль лада в историческом движении, поскольку лад — это то, что русский народ веками отстаивал в жестокой борьбе. Благодаря ладу возрождалась жизнь после национальных катастроф, вновь прорастала молодыми побегими. Лад — это народная основа той демократической культуры, которая в соответствии с учением Ленина о двух культурах всегда боролась с официальной.

Нужно заметить, что и сам факт появления книги «Лад», книги об устойчивых формах народного бытия, безусловно связан с определенным этапом в истории русской деревни. Такая книга могла появиться именно как реакция на закономерное изменение облика деревни на глазах одного поколения, когда желание понять, «как крестьянская «вселенная» была испокон устроена» (Белов), понять, как творилась жизнь, сформировавшая нравственный идеал русского

крестьянина, стало особенно актуальным.

Как же Белов объясняет самому себе и доносит до читателя идею этой «вселенной»?

Автор исходит из представления о том, что «стихия народной жизни необъятна и ни с чем не соизмерима», и неисчерпаемость ее разрушает рамки сколь угодно сложной схемы. Писатель изначально отказывается от использования каких-либо культурологических методик, членищих объект, понимая, что «народная жизнь в ее идеальном, всеобъемлющем смысле и знать не знала... какого-либо... разделения... Мир для человека был единое целое». Как показал «Лад», многие элементы культуры вообще невозможно рассматривать вне жизни целого, вне контекста. В первую очередь это относится к словесному творчеству, поскольку «отделить стихию словесную от бытовой невозможно, они неразрывны». Фольклорное слово, «помещенное в книгу, почти сразу хирело и блекло». Так, по Белову, сказка «живет только там, где есть триединство: рассказчика, слушателя и художественной традиции», поговорка — лишь «в контексте неопосредованного языка», а смысл песни, частушки «раскрывается лишь в определенных условиях, в зависимости от того, кто, где, как и зачем поет».

Однако как рассмотреть целое и части, его составляющие, не вырывая их из контекста? В данном случае это возможно лишь тогда, когда способом исследования становится образное мышление. Только образ, сам целостный по своей природе, способен передать целостность мира. В «Ладе» Белов стремится создать целостный художественный образ культуры.

Вряд ли есть смысл противопоставлять научный и художественный методы того или иного исследования. Но, читая «Лад», невольно задумываешься над мыслью Белова о том, что «академическое познание, изучение... никогда не станет ровнем с художественным восприятием». Это несколько категоричное высказывание писатель иллюстрирует главой «Игры», составив схему игр: для мальчиков, для девочек, общие, зимние, летние и т. д. Но, не удовлетворившись «холодно-безжизненной схемой», затем пытается вдохнуть в нее жизнь — создает образ игр, образ, не отделимый от всей книги.

Образ, пишет Белов, порой «не дается в руки. Он, как радуга, отодвигается от нас ровно на столько, на сколько мы к нему приближимся», так как целостность, единство основаны «не на статичности, а на постоянном неотвратимом обновлении». Невозможно ухватить, зафиксировать движение, но можно исследовать законы, по которым это движение происходит. Так, в стихии народ-

ной жизни писатель выявляет организованность, которая задается ритмом и цикличностью жизни крестьянина. Идея цикличности пронизывает всю книгу. Особенно это видно в главах «Круглый год» и «Жизненный круг» (даже в их названиях). Белов говорит о календарных циклах дня, недели, года и цикле жизни «от зачатия до могильной травы». Здесь мы встречаемся с приемом, который позволил автору представить культуру как живой организм, в движении, рассмотреть культуру как деятельность.

«Круглый год» — своеобразный образ-эскиз всей книги. В этой главе — основные параметры культуры, задающие тон «Ладу», и его основная идея — воспроизводство культуры. Необходимость такого воспроизводства отразилась, к примеру, в народном восприятии бездетности как порока, несчастья: нарушается лад, естественная «бесконечность» семьи, в которой главенство «как бы понемногу соскальзывает, переливается от поколения к поколению».

В контур, очерченный главой «Круглый год», вписываются и последовательно сменяющие друг друга трудовые будни и праздники — стройный круглогодовой цикл обычаев и обрядов, из которых состоял «весь годовой и жизненный цикл отдельного человека, следовательно, и всего селения, всей этнической группы».

Далее в «Ладе» идут большие главы: «Подмастерья и мастера» — о ремеслах, неразлучных в жизни крестьянина с его основным занятием — земледелием; «Спутник женской судьбы» — о льняном цикле, сопутствующем русской крестьянке весь год и — более того — всю жизнь; «Рукодельницы» и «Остановленные мгновения» — о таких своеобразных ремеслах, в которых труд обычный переходит в творчество, сливаются понятия «мастер» и «художник» и рождаются известные всему миру русские художественные промыслы: вологодские кружева, великоустюгское чернение по серебру, шемогдская резьба по бересте и т. д. Эти главы логически продолжают «Круглый год», завершены главкой «Зима». Ведь именно зимой свободный от полевых работ сельский житель совершенствовался в ремеслах, мастерил необходимые в хозяйстве вещи или просто удовлетворял тягу к творчеству. Материал книги словно диктует логику изложения, композицию.

«Миряне» и «Родное гнездо», обрамляющие главу «Жизненный круг», говорят о том, где именно находилась его ось. Писатель сузает concentрические круги пространства от волости вплоть до русской печи — материального средоточия крестьянской «вселенной». Но что очень важно: рассказывая

об окружающем крестьянина пространстве «малой» родины, Белов пишет и о представлениях крестьянина об этом пространстве. «По своей значимости «родной дом» находился в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть, жизнь, добро, зло, бог, совесть, родина, земля, мать, отец». Особо писатель выделяет отношение к смерти («спокойное и мудрое») — как нравственный и философский принцип, по которому можно судить о народе.

В «Ладе» Белов вообще, как правило, описывая элементы культуры, деятельность, реалии быта крестьянства и т. д., обращается к представлениям о них крестьянина, то есть дает его образ, внутренний мир, мировидение.

Глава «Жизненный круг» говорит о крестьянской жизни, в которой «младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, пора возмужания, зрелость, старость и дряхлость сменяли друг друга так же естественно, как в природе меняются, например, времена года», о жизни, в которой «прожитые годы складывались для человека в отдельные возрастные периоды, совсем непохожие друг на друга, но вытекающие один из другого». От главки «Младенчество» к «Старости» — речь идет о последовательной смене форм и сфер деятельности на протяжении всей человеческой жизни.

«Жизненный круг» и «Круглый год» — словно система из двух зеркал, где в каждом отражается бесконечность и многообразие народной жизни.

Не раз встретится в книге фраза «Круг замкнулся», будь то круг жизни или крестьянского хозяйства, соединяющего в себе циклы земледельческого и животноводческого труда, где, как в живом организме, «взаимосвязь всех элементов... была настолько прочна и необходима, что одно не могло существовать без другого». Как пишет Белов, «вся хозяйственная жизнь состояла из подобных взаимодействующих и взаимосвязанных кругов».

Собственно, весь социальный организм, культуру деревни писатель представил именно как совокупность процессов взаимосвязанных, пересекающихся. Поэтому неслучайно и не раз Белов возвращается к уже, казалось бы, «пройденному» (например, не раз говорит о печи — никогда не остывающем очаге, об играх и т. д.), мысленно делая срезы бесконечно сложной жизни в разных плоскостях, обнаруживая и обнажая циклы-круги. Но только ли «повторения» связывают воедино реальные жизненные процессы? Что же позволило Белову объединить, спаять все эти «круги», циклы в один целостный образ?

Видимо, то, что в центре каждого его «круга» — человек, главное звено культуры. Ведь культура не существует без человека, вне человека.

При чтении «Лада» не возникает ощущения, что Белов сознательно, как инструментом познания, пользуется какими бы то ни было культурологическими методиками. Тем не менее в поэтически воссозданной «вселенной» крестьянина, в его образе — с избытком материала и для строго научной интерпретации. Нарушив целостность образа, взяв на вооружение известную в науке концепцию культуры как мировидения, можно представить «вселенную» в виде ряда категорий культуры: отношение к труду, жизни, смерти, восприятие времени, пространства, природы и т. д. Но только, повторяю, нарушив целостность! В работе над книгой, по признанию Белова, «волей-неволей... пришлось систематизировать материал... приходилось то и дело сокращать или вовсе убирать живой фактический материал, довольствуясь общими размышлениями (выделено мной. — А. П.)». В этих-то размышлениях — основные характеристики культуры. И логика исследования такова: в «общие размышления», характеризующие всю культуру или ее элементы, ее части, погружается «фактический материал». Чувство соразмерности подсказало писателю соотношение размышлений и фактов, которое подчеркивает основную смысл книги — лад. Поэтому-то Белов неоднократно и предлагает читателю самому дополнять книгу известными ему примерами, вариантами.

Итак, можно, мне кажется, утверждать, что «Лад», вопреки определениям самого Белова, отнюдь не сборник зарисовок или отрывочные раздумья, а произведение с четко продуманной организацией. Внимательного читателя вряд ли введут в заблуждение эти определения, а, так сказать, преднаучная форма книги заставит задуматься как раз

над тем, какой научный потенциал скрывает в себе жанр художественного исследования. «А что если «преднаучная форма» не недостаток, а достоинство? Что если «недостатком преднаучности» обладает вообще вся жизнь и даже вся природа?» (П. Палиевский).

Белову удалось решить весьма сложную задачу — создать образ народной жизни с ее эстетикой, этикой, философией. Они, как и красота, которая, по словам писателя, «находилась в растворенном, а не в кристаллическом... состоянии», растворены в потоке жизни и не существовали в виде осознанных установок. Найти решение в этих условиях автору удалось, конечно, не только потому, что он имеет право сказать: в книге написано «лишь о том, что знаю, пережил или видел сам». Ведь не по рассказам же странников писал, положим, путешественник-этнограф С. В. Максимов одну из первых книг о русском землепашце «Куль хлеба и его похождения» (1873), во многом, естественно, пересекающуюся с «Ладом», однако интересный, познавательный материал книги Максимова, несмотря на живость изложения, точно за стеклянной витриной. В работе Белова иная по своей природе сопричастность материалу: при чтении «Лада» возникает ощущение, словно само крестьянство через Белова и в его лице нашло возможность понять и выразить самое себя.

Сейчас уже, думаю, очевидно, что и предшествующее творчество писателя пронизано духом той культуры, образ которой дан в «Ладе»: сотни деталей, отражающих быт, мироощущение героев, населяющих прозу Белова, именно в новой его книге как бы выстроились по силовым линиям, задавая контуры единой культурной традиции. «Лад» — книга неизбежная и в творчестве писателя, и в истории русской литературы, и в истории русского крестьянства.

Анатолий ПЕТРИК.

ЛИРИКА НЕ ОДИНОКА

Лев Озеров. Думаю о тебе. Стихотворения. М. «Советский писатель». 1981. 367 стр.

Лев Озеров. Необходимость прекрасного. Книга статей. М. «Советский писатель», 1983. 327 стр.

Лев Озеров — серьезный исследователь и текстолог. Он же — талантливый переводчик современных украинских и грузинских, литовских и осетинских поэтов... Но нет, Л. Озеров не заслоняет сам себя: прежде всего перед нами — лирический поэт, который, являясь страстным пропагандистом и толкователем чужих творческих судеб

(Баратынский и Пушкин, Тютчев и Фет, Бальмонт и Блок, Пастернак и Ахматова... перечень далеко не полон!), с несуетным достоинством ведет свой собственный исповедальный лирический дневник, и потому слова, которые Лев Озеров поставил эпиграфом к книге статей, посвященных русской стихотворной культуре: «Влечение к пре-